

АЛЬТЕРНАТИВА МЕДВЕДЕВА В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Глеб Павловский

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала».

Участник международной конференции «Современное государство и глобальная безопасность» (14 сентября 2009 года, Ярославль)

1.

Когда в 1989 году в Европе праздновали «падение Стены», никто не задумался о ее ближайшем последствии: выходе на арену национальной России. Переставая быть глобальным стражем послевоенного порядка, Москва должна была стать национальной — но Россия при этом не могла перестать быть мировой. Это притом что не было ни институтов, ни инструментов ее интеграции в мировой порядок.

Многолетние разговоры об *ослаблении России* и даже о «мире без России», имея отчетливый пропагандистский привкус, не сводятся к одной русофобии. Они отражают догадку, что прежняя система европейских институтов не приспособлена к появлению новой России. Кроме случая, если бы та согласилась быть исчезающе-незначительной. Ослабленная (до степени Казахстана, но не распадая) Россия еще могла быть интегрирована в старый порядок без его ломки. Сильная, становящаяся мировой — нет. Догадка об этом вызывает европейский невроз, вытесняя тему России за рамки дискурса интеграции. Даже ритуал «российско-европейского

партнерства» ясно обособлен от европейских интеграционных дебатов. Не это ли делает их бесплодными?

2.

Дебаты о Европе кончились, верней, отделились от хода политического процесса. Даже перед последним референдумом по Лиссабонскому договору дискуссии велись вокруг тактики выигрыша. Теперь же, когда обрисовалась реальная перспектива возникновения европейского государства (во главе с тандемом «президент — министр безопасности и иностранных дел»), это не вызывает былых споров. И тут Дмитрий Медведев, со своим дискурсом Большой Европы, выглядит странно неактуальным.

Сомнения вызывает состояние современной культуры российского общества и политического класса. Русская культура сегодня не выглядит настолько емкой, чтобы выдвигать значимые идеи — например, идею неразделенной Европы. (Во внутрироссийской полемике этой темы просто нет. *В России не спорят о Европе!*) Тактически проект Медведева так труден для дальнейшей разработки, что выглядит поиском лишней работы на мировой арене. Для чего? Еще один дипломатический жест России с неясными замыслами?

3.

Проблема большого договора между Россией и Европой действительно возникает поначалу как злободневная тактическая тема. С задачей упорядочить взаимодействие союзов, блоков и военных инфраструктур, часть которых в этом регионе находятся в состоянии так называемого «расширения» (НАТО, ЕС, ПРО). Главный игрок в регионе — США, главный обитатель — Россия, а главный невротик — Евросоюз. Возникает мысль об «упаковке» — некоем правовом режиме, способном навязать определенные

рамки и правила игры. Поначалу тактический ход выводит к забытой идее Большой Европы Шарля де Голля, и к еще более прочно забытому «европейскому дому» Михаила Горбачева. Отброшенные альтернативы часто прячутся в тени тактических затруднений. Это не упрощает проблемы. Ведь Большая Европа если и альтернатива, то не НАТО, а скорее — *альтернатива Евросоюзу*. Евросоюзу, остановившему расширение, застыв в полушаге на Восток.

4.

Объединенная Европа до сих пор развивалась под лозунгом замораживания прошлых альтернатив. Частично — путем их поглощения, как альтернатива пан-Европы, увековеченная в реликтах Совета Европы и ОБСЕ. Однако, альтернативы не исчезают начисто. Иная альтернатива может вдруг ожить и реанимироваться. Так, мы наблюдаем усилия Польши снова стать альтернативной региональной державой. Вот и то, что формулирует Медведев, похоже на воскрешение альтернатив.

Но альтернатива — не противосила и не противовес. Альтернатива Медведева — альтернатива «бешенству расширений», а не возвращение к балансу сил. Безопасность России обособленно от остальных опасна. Но и безопасность Европы, обособленной от России — опасно неприемлема, если переходит в процесс ее исключения. Медведев предлагает раздвинуть дебаты о Европе. Это не тактика и не интрига. В известном смысле миру и Европе «навязаны» дебаты о безопасности России. Такие дебаты подытожат процесс признания новой России — признание, которое не вполне состоялось за 20 лет. Интеграция России в расширенную систему безопасности завершит стабилизацию Европы в мире пост-пост-модерна. Возможно, всеевропейский мир впервые установится не в результате войны. ■